

Максиміліанъ Волошинъ

Архаизмъ въ русской живописи

(Рерихъ, Богаевскій и Бакстъ)

"Аполлонъ", No 1, 1909

[OCR Бычков М. Н.](#)

Камень становится растеніемъ, растеніе звѣремъ, звѣрь -- человѣкомъ, человѣкъ -- демономъ, демонъ -- Богомъ -- говорится въ Каббалѣ.

Камень, дерево, человѣкъ. Вотъ символы Рериха, Богаевского и Бакста -- трехъ художниковъ, которые при всемъ внѣшнемъ несходствѣ тѣсно связаны въ русскомъ искусствѣ своимъ устремленіемъ черезъ историческое къ архаическому.

Цѣли, средства, языкъ, духъ, темпераменту -- все различно въ нихъ. Но основная линия направленія ихъ искусства одна и та же ихъ лица обращены въ одну сторону.

Каменный и глыбистый Рерихъ Скорбный, утонченный и замкнутый Богаевскій. Бакстъ -- изысканный и любопытный собиратель художественно-историческихъ рѣдкостей.

Рерихъ -- являющийся непосредственнымъ продолжателемъ тѣхъ мастеровъ каменнаго вѣка, которые кремь умѣли заострить въ лезвіе ножа, а на кускѣ кости рыбьей начертить иглой вѣтвистыя рога оленя и косматый профиль мамонта Богаевскій -- выросшій въ печальной землѣ Киммеріанъ, и въ развалинахъ скиѳскихъ, греческихъ и генуэзскихъ колоній прозрѣвшій музыкально-стройныя видѣнія Лоррена.

Бакстъ -- ученый, элегантный, многоликій и столь переимчивый, что для того, чтобы найти ему подобнаго въ этомъ всецѣломъ усвоеніи чужого, надо дойти до Филиппино Липпи.

Всѣ трое связаны одной мечтой объ архаическомъ.

Мечта объ архаическомъ -- послѣдняя и самая завѣтная мечта искусства нашего времени, которое съ такою пытливостью вглядывалось во всѣ историческія эпохи, ища въ нихъ рѣдкаго, прянаго и съ собою тайно схожаго. Точно многогранное зеркало, художники и поэты поворачивали всемірную исторію, чтобы въ каждой грани ея увидать фрагментъ своего собственнаго лица.

Любовь къ архаическому была создана откровеніями археологическихъ раскопокъ конца девятнадцатаго вѣка.

Когда героическая мечта тридцати вѣковъ -- Троя, стала вдругъ осязаемой и вещественной, благодаря раскопкамъ въ Гиссарликѣ, когда раскрылись гробницы микенскихъ царей и живой рукой мы смогли ощупать прахъ Эхилловыхъ героевъ, вложить наши пальцы невѣрующаго Ѡмы въ раны Агамемнона, тогда нѣчто новое разверзлось въ нашей душѣ.

Такъ бываетъ съ тѣмъ, кто грезилъ во снѣ, и, проснувшись, печалится объ отлетѣвшемъ сновидѣніи, но вдругъ ощущаетъ въ сжатой рукѣ цвѣтокъ или предметъ принесенный имъ изъ соннаго міра, и тогда всею своею плотью, требующей о_с_я_з_а_т_е_л_ь_н_ы_х_ доказательствъ, начинаетъ вѣрить въ земную реальность того, что до тѣхъ поръ было лишь неуловимымъ касаніемъ духа. И когда мы проснулись отъ торжественнаго сна Илиады, держа въ рукѣ ожерелье, которое обнимало шею Елены Греческой, то весь ликъ античнаго міра измѣнился для насъ! Фигуры, уже ставшія условными знаками, вновь сдѣлались вещественны.

"День исторіи -- говоритъ Вячеславъ Ивановъ -- смѣняется ночью, и кажется, что ночи ея длиннѣе дней. Такъ средневѣковье было долгою ночью, -- не въ томъ смыслѣ, въ какомъ утверждается ночная природа этой эпохи мыслителями, видящими въ ней только мракъ варварства, -- но въ иномъ смыслѣ, открытомъ тому, кто знаетъ, какъ зналъ Тютчевъ, ночную душу. Но уже въ XIV вѣкѣ кончается четвертая стража ночи, и въ XV солнце стоитъ высоко. Притинъ солнечный перейденъ къ XVII столѣтію, а въ XIX-мъ вѣтѣ вѣщей прохладой сумерекъ. Первыя звѣзды зажглись надъ нами. Яснѣ слышатся первыя откровенія вновь объемяющей свой міръ души ночной".

Начало девятнадцатаго вѣка знало древній міръ только, какъ разсвѣтъ всеміриой исторіи, въ концѣ